

тербурге его откровенно называли Геростратом. Разве сам Петипа не переработал весь романтический репертуар — “Жизель”, “Эсмеральду”, “Корсара”, подарив балетам предшественников вторую жизнь? Горский был искренне убежден, что идет по стопам этого великого мастера, отвергая старое и привнося в его постановки веяния XX века! Он был неутомимым в своих экспериментах. Отбрасывал условности и шаблоны, выявлял психологические мотивы поведения героев и социальный конфликт, заменял симметричность танцевального рисунка XIX века тревожной, лишенной стабильности асимметрией. Одно только “Лебединое озеро” он переделывал шесть раз, начиная с частичных поправок в рамках традиционного спектакля и кончая самостоятельной редакцией в 1920 году, которую он создавал совместно с Вл.Немировичем-Данченко, не сохранив ни единого из предшественников. Три раза работал над “Жизелью”, постепенно усиливая в ней социальный конфликт и вакхическое начало, во имя реализма на балетной сцене, надев на вилис белые рубашки наподобие саванов. Три — над “Раймондой”, создав массу новых танцев в духе импрессионизма. Четырежды редактировал “Баядерку”, проявив свое увлечение сиамским балетом и искусством Индии — тени он нарядил в разноцветные сари. В духе нового дуэтного танца — страстного, эмоционального, с объятиями и соприкосновением тел, раскрепощенных а ля Дункан — сочинил многие эпизоды в “Корсаре”. Основательно подновил старинную петиповскую “Дочь фараона”, а также “Коппелию” и “Тщетную предосторожность”. Ему принадлежит и первая абсолютно самостоятельная московская постановка “Щелкунчика” (1919), находки которой впоследствии использовали другие хореографы. К середине 20-х годов почти все балеты XIX века шли в Большом в редакциях Александра Горского. Многие из них вскоре исчезли из репертуара, были заменены каноническими редакциями Петипа и Иванова. От Горского сохранились лишь отдельные фрагменты, которые живут и поныне в последующих вариантах классических произведений.

И только “Дон Кихот” (премьера версии М.Петипа состоялась в Москве в 1869), досконально переработанный А.Горским в начале карьеры (1900 год), стал общепризнанным шедевром, был перенесен даже на петербургскую сцену. В чем секрет долговечности и мировой славы этого безнадежно далекого от Сервантеса балета? Прежде всего в балете Горского покоряет танцевально-игровая стихия, бросакая красочность и праздничность. Это мечта северного художника о солнце, радостном бытии, рае на земле, где всем так здорово и безбедно живется, а находчивость и изворотливый ум сметают все преграды на пути к счастью. “Дон Кихот” — красочная утопия, по которой подспудно тоскует измученная катаклизмами душа человека XX века. Его обожали и артисты. Именно в “Дон Кихоте” А.Горский впервые позволил скромному кордебалетному танцовщику быть личностью на сцене — все зависело только от его желания и мастерства. И если сегодня потускнели массовые сцены, причина тому — издержки в работе труппы. Ведь даже насмерть затанцованное гран па Китри и Базиля в достойном исполнении

по-прежнему гвоздь программы.

Горский не только переставлял классические балеты, но и создал огромный оригинальный репертуар. Любил свои балеты “Нур и Анитра”, “Шубертиана”, “Любовь быстра”, “Эвника”. Обращаясь к большой литературе, детально разрабатывал похожие на киносценарии либретто. По В.Гюго он сочинил мимодраму “Дочь Гудулы”, по Г.Флоберу — “Саламбо”. Но судьба была немилостива к нему. Первый из них не пользовался успехом, а замечательные, но дорогостоящие декорации К.Коровина к “Саламбо” погибли во время пожара, и этот лучший из балетов Горского сошел со сцены. Он ставил танцы для МХТ, работал с Ф.Шаляпиным над пластикой его героев в “Мефистофеле”, “Юдифи”, “Дон Кихоте”. Пестуя индивидуальность танцовщика, на своем репертуаре хореограф вырастил целую плеяду ярчайших московских танцовщиков-актеров, среди которых С.Федорова, М.Мордкин, В.Каралли, М.Рейзен. На его работах учился и К.Голейзовский. Опираясь на творческую молодежь, Горский был вынужден учитывать и пожелания прославленных поборников классических традиций в лице первых танцовщиков Большого Е.Гельцер и В.Тихомирова. Танцуя в его постановках, они обогатились, снискали заслуженный успех.

Трудно даже перечислить постановки Александра Горского — их великое множество. Всю жизнь он работал как проклятый, не ведая отдыха и покоя. По слабости характера не умел приказывать и все делал сам. Бесконечно сочинял и репетировал, давал класс в театре, вел уроки в хореографическом училище, читал лекции, делал публичные выступления. На окружающих Горский производил впечатление чудака, всегда одержимого какой-то навязчивой идеей. Его жизнь — цепь увлечений и разочарований. Как истинный фанатик он жил только театром. Балет был для него единственной реальностью, убежищем от жгучих проблем истории. И тем не менее аполитичный Горский принял Октябрьскую революцию, не покинул свой пост в самые бурные годы. Наивно и простодушно отвечал на запросы времени, работал в студиях, на экспериментальных сценах. С первых шагов в качестве балетмейстера он чувствовал себя революционером, что-то утверждал, против чего-то боролся... “Традиции б. балета еще живут и душат. Борьба не закончена”, — писал он, порицая в это время “дешевый успех “Дон Кихота””. Но сама его жизнь подошла к концу... Долголетний изнурительный труд подорвал его физические и духовные силы. Да и ситуация в театре складывалась не в его пользу.

20 октября 1924 года Александра Горского не стало. Он горел, отдав всего себя единственной настоящей любви — балету. Но и балет предал его — вместе с балетмейстером ушел в небытие и его оригинальный репертуар. Печальна судьба первопроходцев. Только его “Дон Кихот” по-прежнему продолжает свои странствия, совершая все новые и новые подвиги во имя прекрасного искусства хореографии..